

Близнецы

из

Думожа

Поль Монтер

Поль Монтер
Близнецы из Лиможа

«Издательские решения»

Монтер П.

Близнецы из Лиможа / П. Монтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503508-0

Простое поручение старшине отряда гвардейцев послужило началом крайне запутанной истории. Полной коварных интриг и весьма опасных приключений. Кровавых преступлений и благородной храбрости, низкого предательства, алчности, зависти и чистой искренней любви. Окончательно смешав судьбы знатных сеньоров и обитателей грязных трущоб славного Лиможа.

ISBN 978-5-00-503508-0

© Монтер П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая Сюзанна	10
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Близнецы из Лиможа

Поль Монтер

Редактор Людмила Яхина

Дизайнер обложки Саша Николас Коэн

© Поль Монтер, 2019

© Саша Николас Коэн, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3508-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Вот безмозглые усердные бараны! – утирая потное лицо, воскликнул грузный старшина, заметив, как разом взметнулось пламя над несколькими повозками.

– Ну, чего же вы ждали от наёмников, господин Фортье? – Равнодушно пожал плечами сухопарый всадник. – Видно, они слишком буквально поняли приказ сеньора Сен Обена «выкурить чёртово отребье».

– М-да... Пожалуй, вы правы, Моруа, – вздохнул старшина. – Хотя, по мне, пускай проклятый табор и заслуживает сурового отношения за своё неумное воровство и обман, но не сжигать же людей живьём. Надеюсь, их пронырливого ума хватит, чтобы выбраться из этой переделки и не задохнуться в дыму. Сказать по совести, друг мой, я вообще не любитель подобных поручений. Куда легче сражаться с неприятелем, чем гонять по полю этих чумазных дикарей.

– Смотрите-ка, господин Фортье! – внезапно воскликнул Моруа, перебив своего спутника и указывая стеклом на полыхающую кибитку, охваченную пламенем. В сумраке позднего вечера огонь выхватывал происходящее достаточно ярко, и рассмотреть детали не составляло никакого труда. Из повозки выскочила цыганка, прижимая к себе вопящий свёрток с младенцем и, полоснув злобным взглядом всадников, бросилась прочь.

– Ну и рожа, помилуй меня Господь! – пробормотал Мишель Фортье.

– Пожалуй, так выглядят ведьмы, которыми кормилицы пугают малых ребят, – усмехнулся сухопарый Шарль.

– Ну её к дьяволу. – Нахмурился старшина. – Не пускаться же за ней в погоню. Пусть убирается подальше со своим отродьем.

Всадники развернули коней.

– Эй, ребята! – приподнявшись в седле, крикнул Моруа гвардейцам. – Гоните воришек к реке! Если хотят жить, пусть перебираются на другой берег. А самых злобных можно усмирить выстрелом из мушкета, господин старшина приказал не брать этих дикарей в плен.

Фортье молча кивнул, но не успел натянуть поводья, как остановился и прислушался.

– Стойте, Моруа, сдаётся мне, из кибитки слышится детский плач.

– Вам померещилось, господин старшина. Это цыгане вопят, как стая обезумевших кошек. Должно быть, их чёртовы девки рыдают и визжат тонкими голосами.

– Да нет же! Ох, Пресвятая Дева! Мне стоит убедиться, что повозка пуста. Иначе крики сгоревшего дитя станут преследовать меня до могилы. Я не святоша, но таким грехом не стану омрачать свою душу. – И Фортье решительно направил коня к кибитке. Моруа, хмыкнув, отправился за ним. Господин старшина неплохой человек, но уж больно благочестив для военного. Шарлю отчаянно хотелось поскорее окончить дело и вздремнуть. Женский визг и гортанная брань мужчин, что яростно отбивались от теснивших их к реке солдат, вонь горелых тряпок и языки пламени, разрезавшие сумрак перелеска, порядком утомили его. Но, оказавшись совсем рядом с повозкой, ткань которой успела сгореть, и теперь пламя пожирало деревянный остов, ему пришлось признать, что старшина был совершенно прав. Забившись от нестерпимого жара в самый угол кибитки, куда ещё не добрались смертоносные щупальца огня, прижавшись друг к другу, сидели два малыша. Несчастные успели осипнуть от крика и разъедающего горло дыма и теперь издавали лишь жалобный писк.

Недолго думая, грузный Фортье подхватил детей и едва успел увернуться от упавшего остова прогоревшей насквозь крыши.

– Вот дрянь! – бросил он, прижимая ребятшек к себе. – Вообразите только, Шарль, эта ведьма преспокойно сбежала, оставив невинных крошек на верную гибель!

– Тут что-то не так... – задумчиво пробормотал Моруа. – Она же взяла с собой младенца – вполне могла вытолкнуть и этих двоих из повозки, и после – увести. На вид им не меньше двух-трёх лет отроду – они могли сами семенить за матерью.

– Вот видите, друг мой, цыгане точно сродни нечисти, раз мамаша, спасая одно дитя, спокойно обрекает на смерть двух других.

– Или дело совсем не в этом, господин старшина, – усмехнулся Шарль. – Несчастные создания вовсе не её родные дети.

Мишель промолчал: его слишком озадачил поступок матери, что преспокойно сбежала, бросив беззащитных ребятишек. Его спутник ухмыльнулся, глядя, как неловко старшина пытается перехватить поводья, прижимая к себе испуганных детей, что изо всех силёнок вцепились в его камзол.

– Давайте-ка я возьму одного из цыганят, – сочувственно пробормотал он. – Иначе рухнете наземь вместе с ними.

Когда отряд гвардейцев вернулся в деревню в предместье Лиможа¹, было далеко за полночь. В крестьянском доме, где остановились старшина со своим товарищем, царил сонная тишина, и хозяйка не слишком обрадовалась их появлению. Женщина куталась в старую шаль, поджав губы. Силы небесные! Ей с таким трудом удалось уgomонить самого младшего, а теперь, не ровен час, он проснётся, и вновь придётся без усталости качать скрипучую старую колыбель. Когда же она, наконец, выспится?!

– Хозяюшка, – пробасил Мишель Фортье. – Сделай одолжение, отмой-ка этих пострелят от сажи да пристрой на ночлег.

Женщина всплеснула руками и, забывшись, громко воскликнула:

– Святой Иезекииль! Мы просили избавить нас от соседства с попрошайками и ворами, но уж никак не думали, что нам навяжут их отроде! Да мне и дотронуться до них противно, не то что уложить в своём доме.

– Грех так говорить, мамаша. – Нахмурился Мишель. – Разве бедные крошки виноваты, что родились у цыган? Пожалуй, дети не выбирают, кому их пошлёт Господь.

Женщина вновь поджала губы. Она добрая прихожанка и упрекать её в жестокосердии – последнее дело. Брезгливо посмотрев на притихших детей, мамаша Гранден вздохнула и зачерпнула воды из бадейки. Греть воду она и не собиралась – ничего с паршивыми цыганятами не случится, если искупаются в холодной. Вряд ли они избалованы такими мелочами. Старшина убедился, что его просьбу исполняют, и вышел во двор, где, привалившись спиной к коновязи, стоял Шарль и, потягивая из фляги вино, наслаждался отдыхом. Фортье тоже сделал щедрый глоток и блаженно закурил трубку. Экая благодатная тишина. Мишель был не молод и порядком устал от службы. Ему не терпелось окончить дело и вернуться в свой уютный домик к жене. Бедняжка Жюстина наверняка и сама считает дни и часы до его возвращения. Как славно они заживут, когда можно будет заниматься простыми домашними делами, а не шататься по дорогам и вечно мокнуть под дождём и трястись в седле под колючим снегом.

– Пресвятая Дева! – Прервал его мечты испуганный возглас выскочившей на крыльцо хозяйки.

– Что случилось, мамаша? Надеюсь, спасшись от огня, ребятишки не потонули в корыте? – растерянно спросил старшина.

– Упаси Господь, но... но лучше бы вам самому взглянуть на них, – пробормотала женщина.

Любопытство заставило и Моруа последовать за ними. Неужто у цыганят обнаружались рожки и хвосты?

---

¹ Лимбж – город на юго-западе Франции, префектура департамента Верхняя Вьенна региона Новая Аквитани

Малыши сидели на лавке, прижавшись друг к другу, и торопливо совали в рот куски хлеба.

– Святая Катарина! Да они же вовсе не цыганской крови! – округлив глаза, воскликнул старшина.

Шарль, придвинувшись ближе, окинул взглядом белокурые головки с мокрыми кудряшками, спадавшими на белоснежные, словно фарфоровые, личики.

– Ну, что я говорил! – победно ухмыльнулся он. – Эти дети – точно не родня паршивой ведьме. Их наверняка украли. Оттого она преспокойно бросила несчастных помирать.

– Экая негодяйка! – в сердцах проронил Фортье. – Хм... а ведь крошки довольно милы. Сдаётся мне, что будь они в чистой, добротной одежде, то сошли бы за маленьких сеньоров. Вот уж горе, коли так, видно, господа пролили достаточно слёз, потеряв обоих сыновей разом, ведь они схожи друг с другом до крайности, словно отражение в зеркале.

– Это девочки, господин, – порозовев, бросила мамаша Гранден. – И конечно, доводятся друг другу сёстрами.

– Девчонки?! Вот дело. А я и сам засомневался. – Кивнул старшина. – Уж больно они нежны и довольно хорошенькие.

– Может, они и знатного рода, господин Фортье. – Пожал плечами Шарль. – Но теперь вы вряд ли отыщете их родню. Проклятый табор шатался с места на место, и где произошла кража, вам не узнать. А допросить некого. Стало быть, малявкам придётся отправиться в приют.

Мишель исподлобья смотрел на осоловевших от еды и усталости малышей, что засыпали буквально на ходу. Он хмурил выцветшие брови, покусывал рыжеватые густые усы.

– Ладно, завтра решим, что с ними делать, – наконец произнёс он. – Неплохо бы и нам вздремнуть пару часов.

Но спал добродушный Фортье плохо. Он ворочался на тощем соломенном тюфяке, и вовсе не оттого, что привык к более удобному ложу. Его одолевали тяжкие раздумья. По совести, надо бы отвезти малышей в обитель и сообщить бальи², что бедняжек нашли у цыган. Возможно, тот озадачится поиском их семьи. Но ведь и Моруа прав: паршивые воришки могли стащить ребятню за несколько лье отсюда. Вряд ли солидный господин Сен Обен оставит все дела и потратит время на почти бесплодный розыск. Ко всему, милые личики могут принадлежать отпрыскам сеньоров, равно как и простолюдинов. А уж деревень в провинции хватает. Но главной причиной, по которой старшине не спалось, было отчаянное желание обзавестись наследником. Его супруга была славной, доброй женщиной, но трое ребятишек, что послал им Господь, пришлось схоронить сразу после родов. Ни один из них не прожил и дня. Бедная госпожа Фортье много лет оплакивала потерю. Вдвоём с мужем они ревностно молились Пресвятой Деве и всем святым. Увы, годы шли, и теперь супруги утратили всякую надежду. А не является ли спасение малышей из горящей повозки знаком, что Господь проявил милость? И Мишель продолжал тяжело вздыхать, глядя во тьму душевной летней ночи, в попытках принять окончательное решение.

Едва старшина переступил порог хозяйского дома, как мамаша Гранден метнулась к нему и сварливо зашипела:

– Вот уж подарочек, господин! Думаете, на простых людей можно свалить что угодно? Я сразу почуяла недоброе, когда вы навязали мне найдёнышей. Одна из девчонок всю ночь горела в лихорадке. Уж не знаю, что за хворь она подхватила в проклятом таборе, но у меня нет никакого желания рисковать своими ребятишками. Мы хоть и бедняки, но наши дети, слава святому Франциску, здоровёшеньки, и негоже терять родных ребят из-за подобранных на дороге чужих.

---

² Бальи – в дореволюционной Франции представитель короля или сеньора, управлявший областью, называемой бальяжем, в которой представлял административную, судебную и военную власть

Оторопевший от этой тирады Мишель поспешил к огромному ларю в углу, на котором хозяйка уложила девочек. Одна из них и впрямь лежала, прикрыв глаза. Личико её покраснелось, кудряшки взмокли от пота. Её сестрёнка сидела на полу и, завидев Фортье, вскинула на него очаровательные голубые глаза и, улыбнувшись, протянула руки. Растроганный Мишель тотчас поднял девочку и прижал к себе. В этот миг добряк старшина совершенно растаял и в одночасье решил то, над чем так мучительно размышлял всю ночь.

Часть первая Сюзанна

Шарль Моруа уныло тащился по узким улочкам предместья, прикидывая, доберётся ли он до обители к ночи. Бедняга проклинал собственную жадность. Силы небесные, стоило ему услышать звон монет, как он словно лишился способности рассуждать здраво. Пятьдесят экю – хорошая сумма, пожалуй, в тот момент он счёл услугу старшине слишком незначительной за эти деньги. А оставшись посреди дороги с хворой малышкой, Шарль искренне удивился своей глупости и поспешному согласию. Да, но господин Фортье был слишком убедителен и красноречив.

– Друг мой, уверен, за благое дело вам непременно спишется с десятков грехов! – восклицал он. – Поймите, Шарль, обладай я большими средствами, непременно взял бы обеих девочек. Но, увы, растить дитя достаточно дорого и хлопотно. В придачу малышке понадобится приданое, когда придёт срок. Мы с женой в летах – дай Господь прокормить и воспитать хотя бы одно дитя. Да и путь до моего дома слишком долог. Вряд ли больной ребёнок сможет пережить дорогу. А вы пристроите бедняжку в обитель. Даже если Господь призовет невинное создание, это случится в приличном месте, в окружении заботливых сестёр-кармелиток.

И Мишель отправился восвояси, усадив впереди себя закутанную в купленную по случаю шаль одну из девочек.

– Ну что, маленькая Изабель Фортье, – ласково пробасил он, прикасаясь пальцем к изящному носику малышки. – Будь умницей и потерпи немного. Я знаю, что для юной мадемуазель непривычно ехать в седле, но не нанимать же повозку? Не стоит швыряться деньгами, уж лучше мы купим тебе всё, что положено для девочки из приличной семьи. А если не станешь хныкать и капризничать, то получишь ячменный леденец или стебелёк сладкого дягиля. Давай, малышка, поспешим. Увидишь, как обрадуется твоя новая матушка. – Он уверенно кивнул на собственные слова и представил счастливые глаза супруги. Бедняжка Жюстина больше не будет утирать слёзы, глядя на чужих детей. К тому же девочка необыкновенно мила. Должно быть, она вырастет красивой девушкой. Как славно, что он решил дать ей имя Изабель. Оно чудесно подходит малышке и звучит так очаровательно, словно пение птички. Старшина вновь расчувствовался, и блёклые глаза его увлажнились. С тех пор как девочка впервые доверчиво прижалась к нему, он совершенно размяк и вовсе перестал походить на сурового воина.

Тем временем мрачный Шарль решительно направился к трактиру. Несколько минут ничего не решат. Ему крайне необходимо промочить горло и собраться с мыслями. Если навязанная девчонка отдаст Богу душу раньше, чем он доберётся до обители, его вины не будет. В конце концов, дитя могло и вовсе сгореть в проклятой кибитке. Стало быть, участь её predetermined с самого рождения. Моруа уселся в полутёмном зале. В этот час завсегдатаев трактира было немного, и служка приблизился к нему ленивой походкой, старательно экономя силы на поздний вечер, когда грязный, провонявший прогорклым салом зал набьётся до отказа.

– Не принести ли для малютки простокваши? – равнодушно бросил он, скользнув взглядом по ребёнку, что сидел, привалившись к стене, словно тряпичная кукла.

– Не стоит, – буркнул Шарль. – Принесите ей хлеба и разведённого водой вина.

Девочка едва сделала пару глотков и вяло помотала головой. Лицо её по-прежнему пылало, приступы кашля, казалось, лишали её последних сил.

Чуть поодаль сидела плотная женщина с широким румяным лицом и плутоватыми глазами. Её спутник, вертлявый молодой человек с быстрыми карими глазами и маленьким ртом, по-хозяйски развалился на стуле и потягивал вино. То и дело он склонялся к своей спутнице и после шмыгал вон из зала. А по возвращении как можно незаметнее опускал в раскрытую ладонь женщины монеты, что та старательно прятала в кошель в складках своей широкой юбки.

Это были сводня Кларисса Соваж, по прозвищу Паучиха Кло, и её молоденький любовник Пьер, прозванный за страсть к дешёвому блеску Сорокой. Кларисса неторопливо пила вино, то и дело поглядывая на мрачного Шарля и его маленькую спутницу.

– Эй, моя курочка. – Подмигнул Пьер. – Битых полчаса ты тарашись на этого зануду в углу, а меж тем он не стоит и минуты твоего внимания.

– Почём тебе знать, жеребчик? – Пожала полными плечами женщина.

– Оставь, Кло! – рассмеялся Сорока. – По всему видать, что он бывший вояка. Его наверняка погнали из полка, и, стало быть, денег у него едва ли хватит заплатить за ужин в трактире. И ко всему, с ним малявка. Вряд ли он польстится на продажную любовь. Помяни моё слово, он постный святоша и семьянин. Зашёл промочить горло среди бела дня и после поспешил к своей жёнушке. Думаю, навещал родню в предместье, показывал девчонку. Не знаю, отчего семейные люди так стараются похвастать своими отпрысками – по мне, так в малышне нет ничего стоящего. Только дети постарше на что-нибудь пригодны. К примеру, мальчишки постарше могут воровать или стоять на страже, когда подельники лезут в дом. Девчонка подросток может дать фору поблётшим потаскухам. В конце концов, даже пятилетний ребёнок может просить милостыню. А эта маленькая обезьянка едва ли пролепечет несколько слов.

– Ты такой дурак, Пьер. Девочка просто ангел. Да... точь-в-точь такого ангелочка я видела однажды на картине в господском доме. Малышка чудо как хороша, но, по всему, она, бедняжка, сильно хворает. Не может дитя в её возрасте сидеть столько времени безучастно, как мешок с тряпьем.

– Тебе-то откуда знать, Кло? У тебя ведь нет детей, – хмыкнул парень.

– Теперь нет, – спокойно обронила сводня. – Мой первенец свалился с крыши амбара, когда ему минуло пять лет. Мне некогда было следить за ним. А дочка замёрзла насмерть через неделю после своего рождения. Старуха Курбе заснула с ней прямо на улице. Она слишком напилась в тот день. Скажу откровенно, жеребчик, мне не было никакого дела до родных детей – в моём ремесле они только помеха. Да их отцов я не вспомню даже под пытками. Но эта малютка отчего-то вызывает у меня интерес. М-да... она и впрямь слишком мила. – С этими словами женщина безо всякого смущения под села к Моруа и, приказав службе подать кувшин вина и блюдо рубцов с картофелем, завела беседу с незнакомцем. Озадаченному Пьеру ничего не оставалось, как последовать за ней.

Пронырливость сводни и дразнящий аромат блюда вмиг развязал Шарлю язык, и он откровенно поведал короткую историю найдёныша. Конечно, приписав спасение детей исключительно своей храбрости.

– Стало быть, вы добрый человек! – Всплеснула пухлыми руками Кларисса. – Ведь вы спасли несчастное дитя.

Польщённый Моруа выпрямился и самодовольно ухмыльнулся:

– Да уж, мадам совершенно права. Я едва не погиб, вытаскивая девчонку. Поверите ли, мне пришлось одной рукой придерживать малышку, а второй – отбиваться от проклятых цыган. Они ведь сущие головорезы. Пырнуть ножом человека им легче, чем крестьянину свернуть шею гусёнку. Наш старшина – изрядный тюфяк. Его хватило только на то, чтобы подержать на руках второго ребёнка. А после он вдруг расчувствовался, да и забрал здоровое дитя себе. Ему вовсе не было дела, что станется с хворой малюткой. Но я человек порядочный. Сразу рассудил, что девочку надобно отвезти в обитель, где о ней позаботятся. Не бросать же несчастную посреди дороги? Хотя, сказать по совести, у меня хватает и других забот.

– Как это благородно! – с фальшивой пылкостью произнесла сводня. – А что, господин Моруа, вам непременно надо доставить ребёнка в обитель? Пожалуй, бедную малютку лучше пристроить к добрым людям. Бьюсь об заклад, бездетная семья позаботится о ней ничуть не хуже святош. Я могла бы заняться этим. – Кларисса округлила глаза, стараясь придать им выражение искренности.

Пьер удивлённо приоткрыл рот, но грубый удар ногой под столом заставил его промолчать и торопливо опрокинуть стакан вина.

– Не знаю, что и ответить... – протянул Шарль, нахмутив брови и покусывая губу.

– Воображаю, как вы успели привязаться к малютке, – сладко проворковала Кларисса. – Должно быть, и изрядно потратились на неё. Думаю, десять эю немного скрасят вам разлуку с девочкой, – невинным тоном добавила она.

Моруа с минуту таращился на блестящие монетки, затем скользнул быстрым взглядом по ребёнку, что по-прежнему сидел безучастно и успел впасть в забытье, и, торопливо кивнув, сунул деньги в карман. А после опрометью кинулся прочь, чтобы его новые знакомые не успели передумать.

Паучиха расхохоталась и осторожно приподняла малышку на руки.

– Чёрт! Кло, на кой тебе сдалась эта дохлятина?! – выпалил Пьер.

– Захлопни пасть, жеребчик! – грубо бросила сводня, с которой мигом слетел вид радушной женщины. – Я сама знаю, что мне делать, и не нуждаюсь в советах, тем более от такого недоумка, как ты. – С этими словами она половчее перехватила ребёнка, что только тихо застонал и вновь впал в забытье, и решительно направилась к выходу. Ошарашенный Сорока поспешил за своей хозяйкой, угодливо отцепив край шали Клариссы, успевшей зацепиться за ржавый гвоздь, торчащий из стены.

Нет, молодой Пьер вовсе не был влюблен в пройдоху Клариссу, и уж тем более не испытывал страсти к ней, но искренне боялся утратить её расположение. Говоря откровенно, Паучиха Кло была недалеко от истины, назвав парня недоумком. Да, бедняга обладал более-менее смазливой внешностью да в силу возраста достаточной прытью в постели, склонностью к дармовой выпивке и игре в кости. На этом все достоинства Сороки оканчивались. Скудоумие и врождённая лень не позволили ему занять пристойное положение даже среди городского отребья, не говоря уж о порядочных ремесленниках и слугах. Статус любовника самой Паучихи давал ему некую иллюзию собственной значимости и наивное убеждение в своей важности. За широкой спиной этой не слишком привлекательной женщины, к тому же старше его лет на десять, он жил припеваючи вовсе безо всяких забот. Теперь, сбитый с толку поступком хозяйки, Сорока отчаянно пытался вникнуть в неведомый ему план и в придачу вернуть её благодушное настроение.

– Хм... послушай, моя курочка... – произнёс Пьер. – Кажется, пройдоху Монтея недавно вздёрнули на площади. Кому же ты продашь девчонку? Или ты решила прибрать к рукам и его промысел?

– Как ты мне надоед, жеребчик. – Отмахнулась женщина. – Я вовсе не собираюсь её продавать. Почём тебе знать, может, я вообще оставлю этого ангелочка себе?

– Святой Франциск! Кло! Неужели потратишь годы, чтобы собственноручно вырастить ещё одну уличную девку? Этого добра хватает с избытком.

Кларисса резко остановилась, круглое лицо её покраснело от гнева.

– Да заткнёшься ты, наконец?! – рявкнула она. – С чего мне растить малютку для улицы? По совести, ты не заслуживаешь объяснений, но раз уж Господь пожадничал вложить в твою башку ума, скажу тебе откровенно. Вот уже несколько ночей кряду мне снятся кошмары, как черти жарят меня в аду живьём. И когда я увидела девочку... ай, да ты туп, как винная пробка, и всё равно не поймёшь. Словом, я загадала, если заполучу малышку и она выживет, стало быть, на небесах мне простят немало грехов. Молитвы невинного дитя быстрее доходят до неба. Вообрази, тупица, она ведь будет просить милости всех святых за собственную мать.

– погоди, Кло. – Пьер потёр затылок и пробормотал: – Я не ослышался? Ты оставляешь девчонку себе как приёмышу?

– Силы небесные! – закатив глаза, хмыкнула женщина. – Не прошло и часу, как ты наконец сообразил. Да, мой усердный кролик, и можешь не сомневаться, что выращу малютку, как господское дитя.

Сорока не нашёлся что ответить и продолжал шествие за хозяйкой, тревожно пытаясь сообразить, как этот неожиданный поворот отразится на его положении. Меж тем их шествие продолжалось по тёмным и мрачным закоулкам квартала бедноты, что в этот вечерний час выглядел ещё тоскливее из-за нудно морозящего дождя. Вокруг царила вонь грязных тряпок, немых тел и прокисших отбросов, от сточной канавы несло нечистотами. Узкие улочки словно пропитались безысходностью и нищетой. В покрытой лужами, плохо вымощенной мостовой отражались узкие полоски света от приспущенных жалюзи убогих грязных лавчонок. Тишину позднего вечера то и дело нарушали пьяные вопли подгулявших обитателей квартала, визгливый хохот потаскушек и площадная брань дерущихся мужчин. Девицы подначивали соперников, желая развлечь себя дармовым зрелищем. Но, приметив в полумраке знакомую фигуру сводни, они тотчас цепляли на измождённые лица заученные улыбки и старательно напрягали спины, дабы грудь плотнее натягивала ткань жалких заношенных платьев. Но сейчас Паучихе было вовсе не до них. Она напряжённо поглядывала себе под ноги, в боязни оступить и выронить ребёнка. Подол её юбки шлёпал по размокшей грязи, волосы прилипли к потному лбу. Она успела утомиться, неся девочку, но нипочём не соглашалась выпустить её из рук. Пьер шагал рядом, то и дело бросая суровый взгляд на притихших девиц, и делал многозначительное лицо. И видя, как испуганно потаскушки опускают головы, довольно ухмылялся. Право же, в такие моменты он воображал себя чуть ли не хозяином всего квартала.

Дом сводни мало чем отличался от таких же облезлых строений по соседству. Да и сама прихожая была грязной и мрачной. Хотя, сказать откровенно, тёмные и гнусные дела, что вершились в этом пропащем месте, вряд ли заслуживали лучшего. Но тяжёлая гобеленовая занавеска, успевшая покрыться плесенью от вечной сырости, скрывала довольно сносную комнату, что, по мнению Клариссы, была ничуть не хуже будуара в домах зажиточных горожан. Почти треть комнаты занимала огромная кровать под балдахин, украшенным кружевным пологом. А вдоль стен громоздились сундуки и баулы, доверху набитые разным добром. Сорока с интересом наблюдал за хозяйкой, пока она, торопливо миновав прихожую, не вошла в комнату и не опустила ребёнка на постель.

– Вот дьявол! Кло, ты ума лишилась – класть эту хворую замарашку на покрывало! А вдруг девчонка начнёт блевать, или ещё хуже, обмарается!

– Заткнись, жеребчик! – бросила женщина, укутывая ребёнка своей шалью. – Чего вытаращил глаза, словно рак в кипятке? Можно подумать, ты изрядно потратился на это покрывало или гнул спину, чтобы на него заработать. Ещё раз вздумаешь указывать мне, что делать, станешь ночевать на порожнем мешке возле двери, а Сьюзи будет нежиться в постели на твоём месте.

– Сьюзи?! – растерянно переспросил Сорока.

– Да. – Пожала плечами женщина. – Я решила назвать её Сюзанной в честь святой Сусанны. Пожалуй, на небе сбросят мне ещё пару грешков за эдакую идею. А теперь захлопни пасть, не то проглотишь паука, и сбегай за Анри Пиявкой.

Пьер покорно вышел из дому и только теперь дал волю гневу, со всей силы пнув бездомного пса, жавшегося к ограде. Вот незадача, в Клариссу словно бес вселился. Она попросту помешалась на чёртовой девчонке. Не дурно, если маленькая грязнуля отойдет к Господу ещё до его возвращения.

Анри Пиявка, как всегда, едва держался на ногах. В его грязной всклокоченной бороде застряли крошки и несколько соломинок. Видно, пьянчуга успел заснуть прямо в амбаре, уткнувшись в тюк сена лицом. В прошлом старик Анри был недурным аптекарем, но тяга к выпивке лишила его достойного ремесла и мало-мальского уважения. И даже родные дети

погнало его прочь. С тех пор он обитал в самой грязной части города и знался исключительно с людским отребьем. Но, даже опустившись на самое дно, Пиявка не оставил своего губительного пристрастия. До сих пор старик не помер с голоду только оттого, что сброд в квартале бедноты время от времени нуждался в помощи лекаря, а ни один приличный доктор сроду не сунулся бы в это славное местечко. Анри громко икнул и всплеснул грязными руками.

– О! Если меня позвали принять младенца, то я опоздал. Видно, мадам уже счастливо разрешилась сама, – загоготал он, указывая на девочку и хлопая себя по тощим коленкам.

– Эй, папаша, здесь не рыночная площадь и нет зевак, что оценят вашу шутку, – хмуро пробурчала Кларисса. – Делайте что положено и получите полтора экю.

Пока старик, покачиваясь и непрерывно икая, осматривал малышку, Пьер нетерпеливо переминался с ноги на ногу, в надежде услышать вердикт о скорой гибели больной. Анри приложил заросшее жёсткими волосками ухо к груди малышки, затем положил руку на потный детский лоб.

– Ну что сказать, хозяйка. Я хоть и хватил с утра пару стаканов, но вижу яснее ясного. Девчонка насмерть простыла. Уму непостижимо, какая неженка. Подхватить эдакую хворь летом... Ни дать ни взять маленькая сеньора, что привыкла к хорошей еде и тёплой постели. Вот что, мадам, по всему, эта ночь станет для неё решающей. Коли не преставится к утру, стало быть, проживёт до старости. Девчонку следует закутать и приложить к ногам нагретый кирпич. Когда она вспотеет, словно мышь, хворь покинет её тело. Ну и после корми её хорошенько и не позволяй мёрзнуть. А больше ей ничего и не нужно. Конечно, можно поставить малявке парочку пиявок – они высосут дурную кровь.

– Ещё чего! Ты вовсе ума лишился?! – бросила сводня. – Она и так худа, как птичка. Вот деньги – и проваливай.

Старик невозмутимо принял плату и, покачиваясь, направился прочь.

Возможно, желание Паучихи получать всё любой ценой или советы старого пьяницы оказались дельными, но через несколько дней девочка и впрямь поправилась и, сидя посреди широкой постели, укутанная в залоснившуюся и облезлую меховую пелеринку, с аппетитом уплетала всё, чем пичкала её Кларисса. Беднягу Пьера аж с души воротило, когда эта грубая неотёсанная женщина с пронырливым взглядом нежно ворковала:

– Ну вот, Сьюзи, а теперь поблагодари мамочку Кло за хлеб насущный.

– Благодарю, мамочка, – послушно лепетала малышка.

Но при всей нежности к приёмышу, Кларисса отнюдь не превратилась в милую покладистую женщину. Стоило ей выйти из комнаты, как перед Сорокой вновь представала жестокая, холодная и расчётливая Паучиха, что ради блага своей дочери готова столкнуть в омут порока чужих. Незадачливому парню оставалось только вздохнуть об упущенной возможности самому заняться делами и после каким-то чудесным образом завладеть её ремеслом полностью. Парень вообразил, что Кларисса засядет в их конуре с утра до ночи, опекая дочку, и все полномочия перейдут к нему. Но Паучиха была слишком умна и жадна, чтобы делиться несправедно нажитым добром. Ко всему, к ней благоволил сам Одноглазый Коро, повелитель Лиможского дна. Этот уродливый мужлан держал своих подданных в непрерывном страхе, и его покровительство давало спокойствие и защиту от всяких недоразумений. Ни о какой дружбе и речи идти не могло – пройдоха Кларисса вовремя смекнула, что щедрая и вовремя отданная плата, готовность исполнить любое поручение и умение не болтать лишнего делают её весьма надёжным партнёром в тёмных делах. Пьер отчаянно завидовал положению любовницы и мечтал выслужиться перед Коро, но его жалкий умишко не позволял ему добиться результата. И даже теперь, когда Кларисса обзавелась приёмышем, он не смог оттеснить её от дел. Присматривать за девочкой Паучиха поручила потаскушке Розе по прозвищу Жердь. Несчастливая девица была высокой, худой и до того некрасивой, что даже дряхлые старцы и горькие пьяницы редко обращали на неё внимание. Понятно, что на её долю приходилось больше всего попреков,

оплеух и зуботычин. Роза из кожи вон лезла, чтобы угодить хозяйке. Ей и самой куда лучше было присматривать за ребёнком, чем таскаться по улицам в попытках поймать мужчину. Она с таким рвением принялась за работу, что Сороке оставалось лишь скрипеть зубами. Чёрт возьми, он надеялся, что паршивый приёмыш свернёт себе шею, свалившись с изгороди, или потонет в сточной канаве. Мало ли что случается с мелюзгой по недосмотру. В их квартале с ребятишками частенько случалась беда, и мало кто из них доживал и до десяти лет. Но ему вновь не повезло – Роза слишком боялась потерять заманчивую должность и в придачу вызвать гнев хозяйки. Она готова была сама броситься под колёса повозки, лишь бы Сюзанну не задело ободом.

Бросив фразу, что воспитает дочку как господское дитя, сводня и понятия не имела, что подразумевается под этими словами. О каком воспитании вообще могла идти речь? По мнению Клариссы, дитя сеньоров должно быть одето с кричащей роскошью и наедаться до отвала деликатесами, что подчас вовсе не пригодны для детского желудка. Если бы знатные господа увидели девочку, то, пожалуй, разрыдались от смеха. Сьюзи громко топала по мостовой кожаными башмачками с посеребрёнными пряжками, что были вдвое больше её изящных ног. По грязи волочился подол бархатного платья, слишком щедро отделанного кружевами. Кружево успевало превратиться в унылую тряпку уже к полудню. Потому как дочка Паучихи везде совала свой нос, предпочитая обычному входу пролом в ограде. Чепчик тонкого полотна вечно болтался за спиной, жалобно повиснув на захватанной грязными пальцами ленте. Корсаж платья висел мешком, так как Сюзанна совала за него то красивый камешек, то найденного птенца, а то и дохлого мышонка. Съев прямо на улице кусок жирного пирога, девочка спокойно вытирала руки о юбку. Словом, замарашка в шелках и бархате. Но при этом хорошенькая свежая мордашка с нежным румянцем, миндалевидными голубыми глазами и нежным ртом были просто очаровательны. А рассыпавшиеся по спине тугие золотистые локоны и вовсе делали её внешность поистине ангельской.

Широкое лицо сводни расплывалось в горделивой улыбке.

– Ну, взгляни только, жеребчик, Сьюзи настоящая красotka! Помяни моё слово, когда она подрастёт, запросто подцепит сеньора и станет знатной дамой.

– Как же! – кривился Пьер. – Если сеньор и польстится на неё, то только на одну ночь. Где ты видала, чтобы господа женились на простолюдинках?

– Заткнись, дубина ты эдакая! – Хмурилась Кларисса. – Поверь на слово, знатный и богатый старик закроет глаза на её происхождение и как миленький потащится к алтарю. Уж моего ума хватит проделать подобное. Да и какое-никакое приданое у неё будет. Я позабочусь, чтобы она пришла в дом жениха не с пустыми руками.

– Хм... – задумчиво тянул Сорока. – Но ведь тогда выходит, что ты всё равно вырастишь потаскуху. Выйдя за старика, она так или иначе продаст себя.

– Ну и что? – Невозмутимо пожимала плечами сводня. – Пораскинь умишком, что лучше: стоять в подворотне, дрожа от холода, и дарить любовь случайным мужчинам или стать знатной замужней дамой, даря ласку всего лишь одному? Притом старикану хватит и заботливо поданного питья да тёплого пледа на ноги. А когда он помрёт, Сьюзи и вовсе останется молодой богатой вдовушкой с титулом и состоянием. К тому времени я стану совсем старой, и мне придётся оставить своё ремесло. Сам понимаешь, что Сюзанна не бросит подышать на соломе того, кому стольким обязана. Ох, жеребчик! – воскликнула женщина. – Вообрази, как славно я зажила в господском доме! Непременно стану ходить к мессе и после чесать языком с солидными господами. – На миг Кларисса словно полностью ушла в мечты, и выражение её лица ужасно разозлило Пьера. Вот дьявол! Эта жирная гусыня так заманчиво всё расписала, что он едва не позеленел от зависти. Его недалёкого ума хватило, чтобы понять: в благостных грёзах о счастливой старости ему нет места. Конечно, стоит только паршивке Сьюзи выскочить

замуж за знатного господина, вряд ли Сороку представят как родственника. Ну дела, стало быть, Кло просчитала всё заранее, когда только увидела девчонку и прельстилась её милым личиком. Подлая пройдоха решила подготовить уютное гнёздышко на будущее и все её рассказы об отпущении грехов и боязни кары – ложь! Она словно ушлый ростовщик вложила деньги в то, что впоследствии принесёт отличный доход. Экая досада, что маленькая дрянь не отдала Богу душу ещё в трактире. Он так надеялся, что всё припрятанное в тайниках сводни после её смерти достанется ему. Значит, его прыть и усердие в постели потрачены впустую?

Пьер едва не завыл с тоски в полный голос. Силы небесные, появиись у него хоть малейшая возможность, он придушил бы паршивого найдёныша собственными руками! Однако он и впрямь недоумок! Надо было сделать это сразу, пока девчонка хворала. Тогда и подозрений бы не возникло, ведь болезнь могла оказаться смертельной. А теперь за нахальной девчонкой повсюду следует тенью нянька, что скорее расстанется со своей жизнью, чем допустит беду со своей воспитанницей. Да и сама Кларисса при всей деловитости всегда находила время лишний раз повороковать над маленькой грязнухой. И Сорока проникся к Сьюзи ещё более стойкой ненавистью, впрочем, девочка отвечала ему тем же. И не упускала случая посмеяться каждый раз, когда мать устраивала тому головомойку, повторяя ненавистное ему прозвище «жеребчик».

Ну, как бы там ни было, Сюзанне вполне уютно жилось под крылышком сводни. Она накрепко уверовала, что Кларисса доводится ей родной матерью, а время, проведённое у цыган, впоследствии сочла лишь кошмарным сном, что привиделся ей во время болезни. А о родном доме бедняжка и вовсе позабыла. Паучиха не ошиблась в своих рассуждениях ни на полтуза. Девочка год от года становилась всё привлекательнее. Чего нельзя сказать о её манерах. При грубой и циничной матери, бывшей потаскухе няньке и постоянного наличия вокруг всякого сброда Сьюзи совершенно не видела разницу между добром и злом, распушенностью и добродетелью. Из очаровательного нежного рта вылетала площадная брань, от которой покраснел бы добропорядочный мужчина. Она росла со стойким, внушённым матерью постулатом: всё на свете имеет свою цену, а стало быть, красота, юность и невинность – весьма дорогостоящий товар, что в будущем сулит ей отличный доход. Ремесло Клариссы казалось ей вполне обычным, как и ложь ради выгоды, воровство, желание нагреть ближнего и вырвать свою долю любой ценой. Хорошенькая девочка с тонкими чертами лица запросто кривила губы в злорадной усмешке, слыша, что у конкурентки матери, Зизи Крысоловки, дела идут еле-еле и Паучиха решительно не даст ей или кому-то ещё встать у себя на пути. Кажется, она и впрямь испытывала привязанность только к приёмной матери и вовсе не собиралась проявлять сочувствие к кому бы то ни было. Сюзанна походила на шикарный цветок, что расцветает на почве, щедро сдобренной людскими пороками, чужим горем и всеми грехами разом. Сороку трясло от злости. Чёрт возьми, ему приходилось постоянно добиваться расположения сводни, а маленькой паршивке достаточно взмахнуть густыми ресницами и произнести «мамочка». Пьер почти ежедневно видел сны, в которых расправлялся с проклятым приёмышем, но в реальности ни ума, ни смелости ему бы на это никогда не хватило. Остаётся, стиснув зубы, терпеть и дожидаться счастливого случая. Хотя теперь, под опекой Клариссы, нежную красавицу Сьюзи не брала никакая хворь. словно грязь, в которой она жила, защищала её от болезней.

Итак, Пьер продолжал строить планы избавления от дочери Паучихи, а та спокойно росла и вовсе не собиралась чахнуть.

Повелитель Лиможского дна, Антуан Коро, неспешно прогуливался по рыночной площади в сопровождении четырёх громил. Достаточно было одного взгляда на эту славную компанию, чтобы понять: эти отпетые людишки не привыкли набивать мозолей честным трудом. Одноглазый Коро частенько обходил площадь во время ярмарки, дабы убедиться, что всё идёт гладко. Коренастый и коротконогий мучлан с изрытым грубыми шрамами лицом, саль-

ными волосами, собранными грязной бечёвкой, и низко опущенными полями залоснившейся шляпы с усмешкой взирал на искренний страх воришек, рыночных торговцев, да и всех тех, кто вынужден был подчиняться королю отверженных. Проходя мимо цветочницы, он невольно замедлил шаг.

– О, мадам сводня. М-м-м, это и есть твоя малютка дочь, о которой мне прожужжали все уши? – криво ухмыльнулся он.

– Да, хозяин, – поспешно ответила Кларисса и, дёрнув девочку за юбку, тихо пробормотала: – Поклонись, да повежливей, Сьюзи.

Девочка небрежно кивнула и открыто уставилась на Антуана.

– Она и впрямь хороша! – протянул Коро. – Как твоё имя, красавица?

– Сюзанна Соваж, господин Одноглазый.

Коро громко захохотал:

– Стало быть, ты знаешь, кто я. Но на твоём милом личике вовсе нет страха, малышка, – ухмыльнулся Одноглазый.

– Пусть боятся те, кто платит не вовремя или утаивает деньги, – спокойно произнесла Сьюзи, продолжая открыто смотреть в лицо повелителя.

Антуан вновь разразился хриплым смехом, и его телохранители угодливо подхватили.

– Эй, Кларисса, а твоя девчонка не только красива, но и умна. Сколько тебе лет, Сюзанна?

– Без малого шестнадцать, сеньор Коро.

– Отлично... Если ты пошла умом в мать, дорогуша, то с такой внешностью далеко пойдёшь. Если, конечно, не влюбишься. Запомни, дитя моё, любовь превращает людей в глупцов. А глупец – всегда лёгкая добыча. Эй, Кларисса, приведи девчонку ко мне. У меня есть для неё славная работёнка. – И, не дожидаясь ответа, он направился прочь.

– С чего это я пойду к нему, мама? Сроду не мечтала заниматься работой, – пробурчала Сьюзи.

– Не будь дурочкой, моя принцесса, – усмехнулась сводня, – вряд ли хозяин предложит тебе пыльное занятие. Зато теперь я могу быть и вовсе спокойной. Вздумай ты шататься по городу хоть посреди ночи, никто и пальцем тебя не тронет.

– Почему? – с любопытством приблизившись к матери, спросила дочь.

– Кто же захочет связываться с самим Коро? – Пожала плечами сводня.

Сюзанна задумалась и поспешила за ней. Но чуть погодя она схватила мать за рукав и, нахмутив брови, пробурчала:

– Я не стану спать с ним, мама.

– Ты ума лишилась, моя птичка? – Кларисса от души рассмеялась, утирая слезившиеся глаза. – Вот выдумала. Да будь у меня хоть на крошку сомнения, я давно запрятала бы тебя в обитель, лишь бы ты не попала к нему на глаза. Проныра Коро наверняка предложит тебе вовсе лёгкое занятие. Он мастер выдумывать трюки, чтобы облапошить богачей. И ко всему, красавица, ты не в его вкусе, можешь поверить, мне лучше всех это известно.

Сьюзи облегчённо вздохнула, но через минуту личико её вновь помрачнело. Странно, если все вокруг твердят, что она чудо как хороша, и сам хозяин это подтвердил, то что же за вкус у этого уродливого мужлана, если она ему не годится? Неужели его любовницы красивее, чем она?

И подобными глупыми и никому не нужными рассуждениями Сюзанна занимала свою голову до самого дома. Милое занятие для девочки. Хотя чего ожидать от дочери сводни и воспитанницы потаскушки?

Выдумка Коро и впрямь была стоящая. Да и самой Сьюзи она вовсе не доставила большого труда. Очаровательную девочку в одежде богатой горожанки охотно пускали туда, куда отребью квартала отверженных вход был закрыт. По сути, юная красавица стала обычной воровкой, но ни её, ни тем более её мать это вовсе не тронуло. Кларисса сочла такой пово-

рот весьма удачным, раз девочка находится под покровительством самого Коро, а Сьюзи даже гордилась, что ларец с её приданным существенно пополняется. Она беспрепятственно заходила в богатые лавки солидных кварталов, долго и придирчиво выбирая товар. Прогуливалась по ухоженным дорожкам парков. И суровым охранникам даже невдомёк было заметить, что девчонка кутается в накидку, несмотря на жару.

Ещё бы, Сьюзи тащила всё, что попадалось под руку, и к выходу из сада была набита добром, словно баул, что того и гляди треснет. Перчатки, шёлковые платочки, шаль, табакерка, зеркальца в серебряной оправе, парочка кошелей. Всё это было упрятано в самых неподходящих местах. Когда она доставала свой улов, поджидающий её скупщик краденого, Себастьян Плут, каждый раз дивился, что маленькая пройдоха точно худеет на глазах. Однако дочь Паучихи получила достойное воспитание. Выуживая расшитую шаль, она преспокойно задирала свои юбки выше колен безо всякого смущения. А заметив, что мужлан тарашится на её ноги, раскрыв рот, она хмыкала:

– Захлопни пасть, дядюшка, не то простудишь свои гнилые кишки. Или, чего доброго, ослепнешь.

– На такие ножки не грех и поглядеть, – глумливо усмехался Плут.

– Должно быть, тебя не жалуют материны девчонки или ты никуда не годишься в постели, если тебе довольно взгляда, – вульгарно хохотала Сьюзи.

Себастьяна вовсе не шокировала подобная речь из уст девочки. Он лишь отмечал, что дочка сводни остра на язык и за словом в карман не полезет.

Чтобы Сюзанна не успела примелькаться в городе, Одноглазый Коро стал устраивать засады вдоль дороги, ведущей из предместья. Стоит ли сомневаться, что всякий возница без опаски останавливал экипаж, завидев столь очаровательное создание, выскочившее прямо перед ним и жалобно взывающее о помощи. Однажды головорезам Антуана крупно повезло. В карете оказался знатный сеньор, что ехал к невесте. Экипаж проседал под тяжестью ларцов, наполненных подарками для новобрачной. В эту ночь компания Одноглазого устроила шумное веселье, больше походившее на шабаш нечисти. В виде поощрения на пирушку в грязном и мрачном логове была приглашена Паучиха Кло вместе с дочерью. Лишь бедняга Пьер вновь остался не у дел. Грабители быстро напились и дурными голосами орали песни, вовсе не слушая друг друга. А когда явился Энцо, скрипач, то все, кто ещё держался на ногах, пустились в пляс. Раскрасневшись от жары и вина, Сьюзи без усталости кружилась в белёсом табачном дыму. Залихватски подбоченясь, девочка звонко притоптывала, весело поглядывая на своего партнёра. Им оказался самый молодой из телохранителей хозяина, стройный Франсуа Огонёк. Парень и впрямь был необычайно вспыльчив и кидался в любую потасовку не раздумывая. Антуан Коро не раз пенял ему за эдакую неосторожность, но Огонёк был достаточно ловок и силен, чтобы хозяин решился отказаться от его услуг. Разгорячённый даровой выпивкой и близостью юной красотки, Франсуа норовил притиснуть её к своему телу и как можно крепче сжать руками тонкую талию.

– Смотри в оба, Кло, – хмыкнул Одноглазый, глядя на танцующих. – Как бы дочка не поднесла тебе подарочек.

– По счастью, хозяин, моя Сьюзи не наивная дурочка, – рассмеялась Кларисса. – Она прекрасно знает, что невинность поднимает её цену ещё выше. Моя дочка не станет ради смазливового ухажёра портить своё будущее.

– Хорошо, если так. – Кивнул Антуан. – Пожалуй, ты и впрямь сможешь состряпать задуманное дельце. Готов даже помочь тебе, чем смогу. Выйдя замуж за сеньора, малютка попадёт в круг знати. А иметь своего человека среди господ – недурная мыслишка.

Пока в логове повелителя отверженных шло гнусное празднество, Сорока скрипел зубами от злости. Сейчас он ещё острее ощущал свою никчёмность. Он явно чувствовал, что его сытая и ленивая жизнь вот-вот оборвётся. С годами сводня всё прохладнее относилась

к плотским утехам, и ему грозило и вовсе получить пинка под зад. Да и его внешность уже не так привлекательна, чтобы вновь найти покровительницу. Чёрт возьми, всему виной маленькая негодяйка, что на беду оказалось в тот злосчастный день в трактире.

Пьер бесцельно прошёлся до конца убогого переулочка и решил направиться в трактир Леграна, промочить горло и утешить себя партией в картишки. Но, не дойдя и пары шагов до дверей грязного вонючего кабака, он услышал тихий голос:

– Эй, Сорока, есть разговор.

Пьер обернулся и еле разглядел в ночном сумраке неясное очертание высокой фигуры в монашеской рясе.

Незнакомец откинул капюшон, и Сорока тотчас признал Симона, подручного хозяина. Любопытство и радость, что с ним желает поговорить достаточно веская фигура мира отверженных, охватила Пьера. Он с готовностью кивнул и шмыгнул за спутником в проулок.

Симон Рошвиль носил прозвище Тесак, и мало нашлось бы желающих нажать себе такого врага. Тесак был крайне жесток и лишён человеческого сострадания. Он был едва ли не правой рукой Антуана Коро и исполнял при нём роль палача. Сорока торопливо шёл за спутником, теряясь в догадках и стора от любопытства. Вскоре спутники оказались возле стены полуразвалившегося дома – бывшей каретной мастерской. Им пришлось согнуться в три погибели, чтобы протиснуться в узкий лаз, – и оба оказались в погребке, что освещался лишь огарком свечи, стоящей прямо на полу. Пьер успел заметить ещё троих головорезов, которых видел прежде в свите короля отбросов. И возле замшелой стены – ворох дурно пахнущего тряпья.

– Ну вот, ребята, наш славный Сорока тотчас откликнулся на зов, – усмехнулся Тесак, присаживаясь на перевёрнутый вверх дном бочонок. – Дайте-ка ему винца – разговор предстоит долгий.

Переглянувшись, грабители опустились возле Симона прямо на пол и отхлебнули по глотку из грязной бутылки, передавая её друг другу. Выдержав паузу, Тесак раскурил трубку и неспешно начал:

– Хозяин, конечно, человек бывалый и умом его Господь не обидел, но он слишком стар. Он уже не так силён, как прежде, а вскорости и вовсе одряхлеет. Негоже иметь хозяина, который вот-вот превратится в развалину. Чтобы держать порядок, нужна крепкая рука и молодость. Одноглазый стал слишком благодушен. Он горазд выдумывать трюки для грабежа, да и только. Вы не хуже меня знаете, что острый кинжал и славная дубинка куда проще и надёжней всяких представлений. Стало быть, нам надо избрать нового хозяина, что будет держать в страхе город ещё больше, чем Коро. Что думаете, ребята?

– И думать нечего, – буркнул Жан Бурдюк. – Лучше тебя не найти.

– Верней верного. – Кивнул Тухлый Гийом. – Ты знаешь, как вести дело, а лихости тебе не занимать.

– Согласен. – Хлопнул себя по колену Никола Висельник. – Одноглазый слишком возомнил о себе и забывает о тех, кто ему служит. Наша плата могла бы стать куда щедрее.

Пьер громко сглотнул. Он совершенно не понимал, что ответить, и просто поддакнул.

– Взять хотя бы тебя, парень. – Внезапно уставился на него Тесак. – Ведь ты того гляди ноги протянешь или пойдёшь побираться. Разве дело, когда молодой и неглупый работник вроде тебя довольствуется жалкими подачками паршивой сводни? Если бы Одноглазый относился к тебе по-другому, то и вздорная старуха Кло глядела бы на тебя снизу вверх. А ты терпишь её пренебрежение и насмешки сопливой девчонки только оттого, что хозяин благоволит к обеим.

– Ваша правда, господин Симон! – пылко ответил Пьер. – С тех пор как Кларисса подобрала паршивку Съюзи, мне вовсе нет житья. А ведь я мог бы не хуже Паучихи вести дело!

– Вот и отлично, дружок, – криво улыбнулся Тесак. – Но сам понимаешь, если бы я и мои друзья верили всем на слово, давно болтались бы на виселице. Ты клянёшься своей жизнью в верности?

Сорока почувствовал, как струйки пота побежали вдоль спины. До недалёкого тугодума только сейчас дошло, что выбора у него нет. Если он не согласится идти против Коро, то вряд ли выйдет из погреба. Если согласится, то вся затея может потерпеть крах и хозяин лично расправится с ним как с предателем. Пьер прикусил губу и погрузился в мучительные рассуждения. Скрывая насмешку, Тесак опустил руку на его плечо и шепнул:

– Подумай, красавчик. Ведь ты сможешь повелевать всеми потаскухами Лиможа, стать их господином, и уж точно поквитаешься с маленькой смазливой негодницей. Я ценю преданных людей – тебя ждёт отличное будущее.

Сорока облизнул пересохшие от волнения губы и выдавил:

– Клянусь жизнью... хозяин...

Головорезы смотрели на него с насмешкой, но Пьер вообразил, что это всего лишь одобрение.

– Теперь слушай, – серьёзным тоном произнёс Тесак. – Кое-кем из близкого окружения Коро займутся другие. Одноглазого я оставлю себе. А ты должен избавиться от Паучихи. Она слишком умна и пронырлива – её нельзя оставлять в живых.

– Но... но... я... – залепетал Сорока.

– Я знаю, мой славный, – хмыкнул Симон. – Придушить мадам сводню у тебя духу не хватит. А вот добавить яд в питьё – пустяковое дело.

– Яду? Это мне по силам, хозяин. – Закивал Пьер. – Позвольте и девчонку отправить вслед за мамашей.

– Эдакую красотку? – подал голос Бурдюк. – Да такая шлюха стоит хороших денег!

– Да чёрт с ней. – Пожал плечами Тесак. – Красивая девка – не такая уж редкость. Можешь потешиться с ней, если наш смельчак Сорока не возражает. Ведь она станет его собственностью.

Эти слова вовсе ослепили недоумка Пьера. Вот дьявол! А ведь действительно он может оставить Сьюзи в живых и заставить отработать все деньги, что на неё потрачены! Ну и получит же она оплеух за все годы его унижения! И его лицо порозовело от предвкушения сладкой мести.

– Всё, хозяин, – с горячностью воскликнул он. – Считайте, что дело сделано. Мне бы только раздобыть яду, и я...

– Тебе и искать не придётся, – насмешливо бросил Симон. – Аптекарь Марлон уже изготовил славный напиток и даже убедил нас в его действии. – Он кивнул Тухлому Гийому. Громила пинком отбросил тряпье у стены, и перед Сорокой оказалось мёртвое тело аптекаря.

Пьер невольно вздрогнул и боязливо отодвинулся подальше.

– Видишь, Марлон состряпал зелье и проверил его на себе, – невозмутимо проронил Симон.

– Верней верного, – протянул Гийом.

– Протянул ноги через пару минут. – Кивнул Висельник.

– Вот, возьми – добавишь в питьё для Паучихи. Тебе и делать особо ничего не нужно, попросту позаботься, чтобы мадам сводня это выпила. – С фальшивой улыбкой подмигнул Тесак. – Да не торопись, красавчик. Я дам знать, когда пора. Иначе провалишь всё дело и угодишь в лапы Одноглазого, а уж он вряд ли будет долго выспрашивать, кто надоумил тебя провернуть подобное. И твои потроха мигом окажутся в сточной канаве. И держи язык за зубами, если не хочешь перед смертью ещё и онеметь.

Сорока пробирался к дому, не чувствуя ног. Лицо его пылало, а голова раскалывалась от прежде не присущих ему раздумий. Он лихо поклялся в верности Тесаку и пообещал отра-

вить сводню, но, оставшись один, Пьер стучал зубами от страха. Возгордившись вниманием таких значимых в мире отверженных особ, бедняга поставил себя в весьма шаткое положение. Теперь ему оставалось балансировать, словно циркачу на канате, и любое неверное движение грозило гибелью. Силы небесные, а ведь его пристукнут в любом случае! Если победит Коро, то его порежут на куски его прислужники. А если он нарушит клятву и верх одержат заговорщики? Пожалуй, Бурдюк, Висельник или сам Тесак заставят его изрядно помучиться перед смертью. Что же делать?

И так, поливаясь потом и погрузившись в мучительные раздумья, Сорока доплёлся до дома. И, когда после полуночи явились Кларисса с дочерью, отчаянный Пьер едва не признался во всём сводне в надежде, что пройдоха Паучиха надоумит, как избавиться от беды и сохранить жизнь. Но внезапно достаточно опьяневшая Сьюзи бросила в его адрес очередную глумливую колкость, и Кларисса громко расхохоталась над её словами. Это вмиг придало Сороке решимости. Нет, к дьяволу все сомнения! Эти гусыни вполне заслуживают незавидной участи.

Наступившая осень слишком поторопилась уступить своё место зиме. К утру лужи скопивало тонкой корочкой льда, вода в бочках успела замёрзнуть. Хозяйкам приходилось потрудиться, прежде чем приняться за стирку или попросту наполнить водой кастрюлю для супа. Бедняки кутались в жалкое тряпье, с тоской прикидывая, что ранняя зима сулит новые расходы. Потаскушки стучали зубами, шатаясь вдоль переулка, а завидев случайного прохожего, кидались к нему со всех ног, словно цыплята к кормушке. Но красавицу Сьюзи это вовсе не занимало. Она была тепло одета и не тряслась от холода по ночам. Мать берегла её словно драгоценность. И в морозные дни держала в очаге камень, чтобы постель успела хорошенько согреться. О Сороке сводня давно заботиться перестала, и ему приходилось радоваться, что вообще не остался ночевать на улице. Он изнывал от желания прикончить любовницу, но Тесак строго-настроено приказал ждать условного знака. Шмыгнув в трактир папаши Лозена в надежде опрокинуть пару стаканов винца, Пьер едва не столкнулся с Тухлым Гиймом.

– Эй, парень, – шепнул сухошавый и длинный Гийом. – Праздник начинается, держи ухо востро. Как только услышишь в своём доме новость про Огонька, считай дело решённым. Но уж тогда не жди и минуты – делай что велено, если хочешь жить припеваючи, а не валяться в канаве со вспоротым брюхом.

Пьер побледнел и кивнул. Чёрт возьми, ему тотчас стало жарко и без выпивки.

Дома он застал только Сюзанну, что крутилась перед засиженным мухами старым зеркалом.

– Где мать? – отрывисто бросил Сорока.

– Тебе-то что за дело, жеребчик? – хмыкнула Сьюзи, манерно изгибаясь и с восторгом глядя на своё отражение. – С каких пор она должна предупреждать тебя о своих делах?

Пьер не ответил, он исподлобья смотрел на девушку, что безо всякого смущения любовалась собой. Она приподнимала руками густые пряди волос, обнажая нежную шею. Напрягала спину, чтобы и без того высоко поднятая упругая грудь казалась ещё больше. Вытягивала губки, посылая своему отражению воздушный поцелуй. Это откровенное восхищение собой могло бы вскружить голову любому мужчине, но Сорока был слишком взвинчен поручением и слишком ненавидел Сюзанну, считая её источником своих бед. И всё это мешало ему желать столь привлекательное создание. Наконец послышались тяжёлые шаги сводни, и Кларисса, резко распахнув дверь, выпалила прямо с порога:

– Проклятье! Кто-то прирезал Огонька!

– Франсуа убили?! – воскликнула Сюзанна, и её прекрасные глаза тотчас наполнились слезами. – Ой, мамочка! Как же это? Ведь Франсинэ³ был такой милый!

– Хорошо, что ты не видала его, моя принцесса. – Нахмурилась сводня. – Красавчика испороли от горла до причинного места, словно свинью распотрошили. Не слишком весёлое зрелище.

Сьюзи побледнела и прижала руки к лицу.

– Кто же решился на такое? – шепнула она.

– Не знаю, малютка. Но будь уверена, Одноглазый непременно разыщет предателя и съедёт с него шкуру живьём ловчее королевского палача.

Сюзанна вздохнула, но тотчас аккуратно промокнула глаза замызганным платком. Мать всегда напоминала, что слёзы портят цвет лица, а её прекрасное личико достойно бережного обращения. В конце концов, смазливый юноша – не повод для покрасневших век и слипшихся ресниц. И она отправилась спать, вовсе не терзаясь грустными мыслями. Когда-нибудь Огонька всё равно бы пристукнули.

Сорока едва дождался момента остаться с Клариссой наедине.

– М-м-м, послушай, Кло. А не опрокинуть ли нам по стаканчику?

– С чего бы это, жеребчик? – хмыкнула сводня. – Решился помянуть Франсуа? Что-то я не замечала, чтобы вы водили дружбу.

– Да к чёрту этого выскочку, туда ему и дорога! – вырвалось у Сороки. И испугавшись, что любовница заподозрит неладное, он торопливо забормотал: – Видишь ли, курочка, я... я выиграл в кости у папаши Паскаля. И... и купил бутылку отличного вина. Купил для тебя, моя сладкая.

Кларисса с насмешкой взглянула в лицо мужчины и пожала плечами:

– Скорее поверю, что Одноглазый Коро сделал тебя своей правой рукой, чем в твой выигрыш. Ты сроду не заполучил и медного су. Видно, в кои веки тебе повезло стащить вино в лавке и не получить пинка от лавочника. Ладно, какая разница, носи своё пойло. Мне и впрямь охота промочить горло. Я не собираюсь убиваться по Огоньку, но известие о его смерти портит мне настроение. Я чувствую, что его гибель – не последняя неприятность для хозяина, а стало быть, и для нас всех.

После этих слов Пьеру стоило огромного труда не подать виду и не расплескать вино, наливая его в сомнительной чистоты стаканы. Ему казалось, что пройдоха Кларисса давно догадалась обо всём и вот-вот разоблачит его. Но женщина спокойно взяла стакан и, кивнув, бросила:

– Ладно, жеребчик, может, святые, что охраняют мою малютку, не допустят с нами беды. Да и Коро достаточно умен, чтобы не угодить в переделку. – Она поднесла к губам напиток и удивлённо приподняла брови, видя, что любовник тупо уставился на свой стакан. На лбу его выступили капли пота, пальцы подрагивали. Вот дьявол! Он действительно туп, как пробка! Почему он не догадался бросить яд в стакан сводни, а щедро отравил всю бутылку? Теперь, держа в руках ядовитый напиток, бедняга Сорока совершенно не знал, что делать.

– Чёрт... я, кажется, захворал, Кло, – выдавил он и разразился надрывным кашлем.

– Ну так и глотни вина, – равнодушно произнесла женщина. – Оно выгоняет любую хворь.

– Да... – утерев губы, побормотал Сорока. – Но... но мне надо бы его согреть. – И в безумной радости, что почти нашёл способ выпутаться из беды, уверенно добавил: – Да-да, мне точно надо выпить горячего. – С этими словами он поднял свой стакан над пламенем свечи и сосредоточенно начал водить им из стороны в сторону.

---

³ Уменьшительно-ласковое произношение имени Франсуа

– Ох, видел бы ты свою рожу, – рассмеялась Кларисса. – Словно занялся серьёзным делом. Ну да мне недосуг любоваться на твои ужимки, я устала и хочу спать. – Она залпом выпила вино и, внезапно побледнев, схватилась за горло.

– Ты... ты... – просипела сводня, ринувшись к Пьеру, но тот в страхе отшатнулся, и женщина рухнула на пол, не добравшись до цели. Во рту Сороки пересохло, по спине хлынул холодный пот. Несколько минут он тупо смотрел на корчившуюся возле его ног любовницу с любопытством жестокого ребёнка, что сбил камнем птицу. И когда глаза Клариссы закатились, а из горла более не слышалось ни звука, Пьер боязливо ткнул безжизненное тело мыском башмака. Убедившись, что женщина и впрямь мертва, Сорока испытал настоящий восторг. Неужели он решился на убийство?! Силы небесные! Он действительно смел и довольно ловок. Стало быть, он не никчёмный дурак, достойный одних лишь насмешек. Да! Он доказал свою лихость. Конец его жалкого удела прислужника старухи сводни! Он станет значимой фигурой в мире отверженных, и злопыхатели мигом прикусят языки. Ему нестерпимо захотелось сию же минуту разбудить Сьюзи и насладиться её отчаянием и испугом, но тут раздался требовательный стук в дверь. Пьер распахнул её тотчас – он уже догадался, кто окажется на пороге. В полутёмную прихожую тенью метнулся Никола Висельник. Его накидка была сплошь усыпана снегом, но стоило ему откинуть капюшон, как Сорока подметил кровь, которой громила был обрызган с головы до пят.

– Ну и ночка выдалась, приятель, – криво ухмыльнулся Никола. – Пришлось потрудиться. О, я вижу, и ты не оплошал, красавчик. – Кивнул он в сторону скорченного на полу тела. – Отлично, всё идёт как по маслу. Новый хозяин должен быть доволен. Тебе повезло – досталось самое лёгкое. Веришь ли, такой бойни давненько не случалось. Мёрзнуть не пришлось, – хрипло рассмеялся Висельник.

– А... а... Одноглазый? – пролепетал Сорока

– Хе-хе, нашего славного Коро уже встречают черти в аду. Правда, он явится к ним с отрезанной башкой, но эти славные создания не слишком огорчатся. Жарить в котле можно и безголовую тушу. – И довольный своим остроумием, головорез вновь захохотал.

Ни громкая беседа, ни грубый смех ничуть не потревожили Сюзанну. Она с малых лет привыкла, что в дом посреди ночи могут явиться гости. И, проснувшись утром, бедняжка оказалась в полном неведении, что в полночь в королевстве отверженных произошёл кровавый переворот. Зевая, она вышла из комнатёнки и сладко потянулась. Заметив Сороку, что сидел, закинув ноги на стол, и приканчивал вторую бутылку, девушка оторопела.

– Ну и дела! Ты совсем ума лишился, жеребчик? Будь уверен, я непременно расскажу матери, что ты с утра лакаешь вино и воображаешь себя сеньором, что зашёл в придорожный кабак, – ядовито произнесла она.

– Заткнись, паршивая обезьянка, – нагло бросил Пьер. – Давай-ка пошевеливайся, да сбегай в лавку. Я не прочь пожевать горячего.

– Ах ты, пьянчуга! – покраснев от гнева, выпалила Сьюзи. – Ещё не хватало, чтобы я тебе прислуживала! Да услышь мать твои речи...

– Я сказал заткнись, негодяйка ты эдакая! – завопил Пьер, вскакивая с места, и, оказавшись с девушкой лицом к лицу, с размаху отвесил ей пощёчину. Сьюзи отлетела к стене и, прижав ладонь к вспухшей щеке, во все глаза уставилась на Сороку.

– Твоя поганая мамаша более ничего не услышит, поняла, дура набитая?! Теперь я хозяин всех гулящих девок Лиможа и этого дома. И ты будешь слушать меня, как и остальные, ведь ты ничуть не лучше последней потаскушки.

Видя, что Сюзанна до сих пор не может понять происходящего, Сорока ухмыльнулся и, вновь наполнив стакан, подмигнул:

– А ты оказалась не так уж и умна. Паучиха явно преувеличила твой куриный умишко. Вбей наконец в свою смазливую башку, что гусыня Кло сдохла. А новый хозяин передал её

ремесло мне. Да, и твой покровитель Коро тоже отправился в ад. Должно быть, они придут туда под ручку, как верные друзья.

Сюзанна продолжала молча стоять у стены, не в силах осознать услышанное. Слишком поспешно и грубо в её жизнь ворвалось горе. Смерть матери показалась ей чем-то нереальным, что никак нельзя осмыслить и тем более принять. Глаза её потемнели, рот свело судорогой, и она бросилась на Сороку, словно умалишённая.

– Ты жалкий лгун! Лгун! – визжала Сюзанна, вцепившись ему волосы и пиная его ногами.

– Чёрт! Совсем умом тронулась, мерзавка?! – завопил Пьер, вовсе не ожидавший такого пыла от хорошенькой изнеженной девицы. Он с силой расцепил её руки и вновь отвесил смачную оплеуху. – Да угомонишься ты наконец, тупоголовая гусыня?! Отвяжись от меня, слышишь...

Но взывать к разуму впавшую в настоящее помешательство разъярённую Сюзанну было вовсе пустым занятием. Она продолжала кидаться на Сороку, не помня себя и не чувствуя боли от тумачков и затрещин. Пьер был взбешён не меньше её и совершенно перестал понимать, что ввязался в потасовку с неравным противником. Его удары обрушивались на нежное тело Сюзанны с такой силой, словно на её месте был крепкий мужчина. Должно быть, это побоище бы окончилось её неминуемой смертью, но внезапно распахнулась дверь, и на пороге возник Марциал Жано, по прозвищу Хряк. Он приподнял бровь и, быстро окинув взглядом место побоища, опрокинутый стол и разбитую вдребезги бутылку, лохматую покрасневшую Сюзанну и исцарапанного Сороку, растянул свой кривой рот в ухмылке:

– Однако вы недурно проводите время, милуетесь, словно два голубка, – сипло произнёс он. – Экая досада, что вы не позвали меня на венчание. Жаль, но мне надобно прервать ваши ласки. Эй, Сорока, тебя ждёт хозяин. И поспеши, он явно в дурном настроении, не заставляй его огорчаться ещё больше.

– С чего бы Тесаку унывать? – бросил Пьер, утирая кровь со щеки. – Могильщик Бруно и горбатый Леон сказали, что всё прошло отлично.

– Как поглядеть, дружок, – протянул Хряк. – наших ребят пристукнули гораздо больше, чем рассчитывал хозяин. Поднялся лишний шум, в пару-тройку кабаков нагрянули гвардейцы. Видно, господину интенданту наша весёлая пирушка пришлась не по нраву. Ну, не беда. Через несколько дней он и думать забудет, что произошло. Какая разница господам, кто правит нашим славным мирком? Ну хватит, успеем помолоть языком. Шевели ногами, красавчик, хозяин ждёт.

Пьер надменно вскинул голову и уже возле двери, обернувшись, произнёс:

– А ты, маленькая дрянь, займись работой. Чтобы к моему возвращению всё было прибрано. Не то получишь такую трёпку, что забудешь, как тебя звать.

Сюзанна не успела ничего ответить, как Марциал подмигнул и глумливо добавил:

– Не огорчайся, красотка, твой суженый слишком погорячился. Лучше умой рожу и пригладь пёрышки – у хозяина на тебя совсем другие планы.

Сюзанна сверкнула глазами, но вновь ничего не успела ответить – дубовая дверь за мужчинами захлопнулась, и в замке со скрипом повернулся ключ. Этот звук словно отрезвил девушку. Она медленно обвела взглядом разгромленную комнату, освещённую белёсым светом утра, что еле-еле проникал сквозь грязное окно. Ясно ощутила кислую вонь от пролитого дешёвого вина, сиротливо валяющуюся в углу шаль Клариссы. Только сейчас она осознала, что Сорока не лгал. Матери больше нет, и теперь её будущее скрыто мрачной завесой неизвестности, и жизнь явно не сулит ничего хорошего. Сюзанна охватила горечь одиночества, отчаяние маленькой девочки, что заблудилась в ночном лесу, и она, прижав к лицу шаль матери, зарыдала так горько, вздрагивая всем телом, что казалось, со слезами из неё по капле уходит жизнь.

Сорока спешил за своим спутником, болтая без умолку. Его так и распирала радость. Ну, каково? Наконец-то он займёт подобающее положение в мире отбросов. Он воображал,

с каким подобострашием на него станут смотреть уличные девицы, трепеща от страха и желания угодить. Как он станет завсегдаем логова хозяина на правах верного человека. Настроение его было лучше некуда – даже стычка с девчонкой не могла испортить ему столь значимый в его жалкой жизни день. Он вовсе не обратил внимания, что его провожатый идёт не к рынку, возле которого прежде обитал король отверженных, а к заброшенной части городской стены, пролом которой выходил к Вьене.

И, только оказавшись по ту сторону, он замолчал и удивлённо уставился на провожатого.

– Ну, стало быть, наш путь окончен, дружок, – спокойно произнёс Хряк и, резко обхватив Сороку за плечи, всадил в него нож. Пьер отшатнулся, несколько секунд он даже не мог понять, что произошло, но внезапно тело его пронзила резкая боль, слабость заставила упасть на колени. Он прижал руки к животу, чувствуя, как кровь буквально обжигает ему пальцы и, расширив глаза, вскинул взгляд на Марциала, едва шевеля губами, словно пытаясь задать ненужный вопрос.

– Эй, красавчик, помирай спокойно, – равнодушно протянул Хряк, неторопливо вытирая кинжал полой замызганной куртки. – Можешь не беспокоиться за свой промысел, он не останется без присмотра. Уж и не знаю, зачем я пустился в откровенности, видать, скуки ради – других собеседников тут нет. Так вот, славное ремесло Клариссы в надёжных руках. Ты такой дурак, Сорока. Совсем позабыл, что сестрица Тесака давно мечтала прибрать его к рукам. Как видишь, он не забывает родню и рад услужить сестричке.

По счастью для себя, Пьер уже не слышал этих слов. На его лице так и застыло искреннее удивление. Из пролома показалась сторбленная фигура, укутанная в грубую накидку.

– О, как я погляжу, дельце уже состряпано. Отлично, не люблю долгой возни, – писклявым голоском произнёс подошедший.

– Ты же меня знаешь, Леон, я не откладываю поручения надолго, уж такой я исполнительный работник, – усмехнулся Марциал.

– Это точно. – Кивнул горбун, пристраиваясь половчее, чтобы подхватить покойника за ноги. – Гляди-ка, на рассвете мы упаковали мадам сводню, а к полудню провожаем её муженька. Славно, когда семья собирается вместе. Не хватает только малютки Сюзанны.

– Твоя правда, братец, – глумливо оскалился Хряк. – Хозяин решил, что за девчонку можно выручить недурные деньжата. А этот недоумок Сорока вовсе никому не нужен. Ладно, мне пора. Думаю, ты и один справишься. – Марциал сунул руки поглубже в карман и, зябко поведя плечами, быстро зашагал к пролomu. Горбун оглянулся и, крикнув от усердия, потащил тело к кромке реки. Он деловито вытащил из-за пазухи моток верёвки и, подобрав увесистый камень, старательно привязал его к ногам покойного. Леон делал свою работу с таким равнодушным прилежанием, словно речь шла о простом ремесле. Наконец он столкнул тело в реку – раздался лёгкий треск ломающегося тонкого льда и всплеск воды. Мелкий колючий снег, что повалил с тяжёлого свинцового неба, мигом прикрыл пожухлую траву, грязные комья прибрежной земли и место расправы.

– Эх, надо бы заглянуть к папаше Дуэ и выпить горяченького, – пробормотал горбун, закутываясь в истрёпанную накидку.

Сюзанна, погрузившись в собственные страдания, совершенно потеряла счёт времени, и когда, наплакавшись вволю, она наконец пришла в себя, за окнами уже смеркалось. Из щели под дверь тянуло холодом, нетопленный очаг навевал уныние одним своим видом. Девушка, пошатываясь, прошла в спальню матери и машинально бросила взгляд в зеркало. Силы небесные, ну и лицо! Один глаз совсем заплыл, верхняя губа распухла и походила на утиный клюв. Только теперь она почувствовала, как нестерпимо ноет всё тело. Да, этот недоумок Пьер здорово её отделал. Святая Катарина, вот бы мать разозлилась, узнав, что смазливое личико любимой дочери основательно испорчено. Но её больше нет и, стало быть, не всё ли равно, уродлива ли её ненаглядная Сьюзи? Может, это к лучшему. Девушка не была настолько наивной,

чтобы не догадываться, что ждёт хорошенькую юную девицу в трущобах Лиможа. Она бесцельно прошлась по комнате, продолжая кутаться в шаль Клариссы, словно пытаюсь спрятаться от невзгод. Мысли путались, на неё накатывали поочередно то волна ярости и желание поквитаться с Пьером, то овладевало сонное равнодушие. Но когда в замке повернулся ключ, девушка вздрогнула и метнулась к двери. Перед ней возникла худошавая женщина и Никола Висельник. Гостя откинула усыпанный снегом капюшон, и Сюзанна тотчас узнала Зою Марсо, отчаянную пройдоху – Зизи Крысоловку.

– Разрази меня гром! – разразилась визгливым хохотом гостя. – Ну и чучело! Вот чёртов осёл! Взгляни, Нико, даже жаль, что недоумок успел подохнуть – ему бы следовало поломать кости за порчу чужого добра. Ну и наследство мне досталось от Паучихи Кло!

– Брось, Зизи, подумаешь – пара синяков. Радуйся, что он не выбил девчонке зубы и не лишил глаза, не то и вовсе пришлось бы её пристукнуть за ненадобностью – кому сдалась кривая беззубая шлюха?

– А ну прочь! – скинув шаль и уперев руки в бока, крикнула девушка. – Ишь, чего захотели! Да тебе, тощая облезлая крыса, сроду не удастся заполучить материнское дело. Твоего ума только и хватает – понукать тремя жалкими девчонками, которые годны услаждать только горьких пьяниц или моряков, что готовы польститься на любую. Да ты вечно с ума сходила от зависти! Ещё бы, мать никогда не дала бы тебе ходу. А теперь ты возомнила себя на её месте и прикидываешь, что я стану одной из бедолаг, стоящих в подворотне. Как же, разевай рот шире.

Костлявое личико Зизи покраснело от гнева, а Никола захохотал, хлопая себя по ляжкам и мотая головой, словно мул, отгоняющий мух.

– Чёрт возьми, эта сопливая девчонка не промах. Только поглядите, как малютка умеет задать жару. Послушай, красотка, да ты и впрямь окрутишь сеньора с эдакой пылкостью.

– Вот дрянуха! – прошипела Крысоловка. – Паучиха изрядно избаловала тебя. Ну ничего, теперь запоёшь по-другому. Уж будь уверена, я припомню тебе каждое слово, что вылетело из твоего поганого рта. – Женщина подскочила к Сюзанне и замахнулась, но Висельник успел перехватить её руку до того, как она достигла цели.

– Ну-ну, Зизи, остынь, не то и вовсе покалечишь нашу красавицу. Твой брат наверняка не одобрит эдакую оплошку. Малютка сама не понимает, что несёт. Дай срок, и она станет покладистой, не так ли, дорогуша? – Подмигнул Никола, глядя на девушку.

– Не так, – рявкнула Сьюзи, уставившись на незваных гостей. – Можешь прирезать меня прямо сейчас, папаша, но дочь Клариссы Соваж никогда не будет прислуживать жалкой дохлятине.

Зизи с огромным трудом сдержала жгучее желание выместить на дочери бывшей конкурентки все прошлые обиды, но страх перед Тесаком и жадность заставили её отступить. Она облизнула крошечный узкий рот и, стараясь не встречаться взглядом с Сюзанной, торопливо бросила:

– Да мне нет никакого дела до маленькой мерзавки. Брат велел обшарить логово Паучихи. Пospеши, Нико, скоро рассвет.

Висельник засучил рукава замызганной блузы, что ещё хранила следы ночного побоища и, ухмыльнувшись, произнёс:

– Эй, Сьюзи, детка, не заставляй меня рыскать по дому. Поверь на слово, я изрядно поработал, и мне совсем не охота ковырять стены в этой норе. Будь послушной девочкой и достань всё сама.

– Ещё чего! – прошипела Сюзанна. – Поищи недоумков в другом месте, папаша. Можешь искать хоть до праздника всех святых, я и пальцем не шевельну.

– Дело твоё, красавица. Мне не привыкать, что хозяева не спешат расставаться со своим добром. – Пожал плечами Никола и начал рыскать по всему дому с хладнокровием завязатого грабителя. Сьюзи стояла молча, продолжая кутаться в материнскую шаль. По совести, конечно,

следовало вцепиться в громилу и хорошенько расцарапать ему лицо, но она едва держалась на ногах. Горькое известие об утрате Клариссы, потасовка с Пьером и приход наглой Зизи начисто лишили её последних сил. В глубине души она надеялась, что Висельник не найдёт припрятанное и наконец уберётся вон, но Николя был из тех, кто слишком хорошо владеет своим гнусным ремеслом. Не прошло и часу, как он с победным видом достал ларец из тайника.

– Вот дьявол! – в отчаянии воскликнула девушка. – Это же моё приданое!

– Скажите – какие нежности, – усмехнулась Крысоловка. – Забудь, несчастная, потаскухам приданое ни к чему.

Николя захохотал, половчее пристраивая добычу под полой накидки. Зизи распахнула дверь и бросила злорадный взгляд в сторону Сюзанны:

– Ну, чего застыла? Шевели ножками, сеньора нищенка, не тащить же тебя волоком.

Сьюзи попыталась толкнуть сводню, чтобы та вылетела напрямик за порог, но к горлу подступила тошнота, голова её закружилась, и девушка лишилась чувств.

Очнулась Сюзанна в полной темноте и добрых пять минут вовсе не могла сообразить, где находится. Она ощупала соломенный тюфяк, на котором лежала, влажную холодную кладку стены и судорожно вздохнула. Только когда глаза её привыкли к мраку, она сумела разглядеть забранное решёткой оконце под самым потолком да массивную дверь, основательно запертую снаружи. Кое-как встав и поминутно морщась от боли во всём теле, она доковыляла до двери и подёрнула кольцо. Заскрежетал ключ, и в узкой полоске света показался Жорж Верзила, молодой здоровяк с глуповатым румяным лицом.

– Очнулась, красотка, – улыбнулся он. – А я уж взгрустнул, что мне велено сторожить мертвяка. Когда Висельник приволок тебя, ты словно и не дышала. А я страсть не люблю покойников, дорогуша. Молчат и тарашатся, словно нечисть, да и на их посиневшие рожи тоже не слишком весело любоваться. Стало быть, составишь мне компанию поболтать. Но не обесчуди, дверь будет заперта – Тесак велел держать тебя здесь, пока не поумнеешь и не вернёшь себе прежний вид. Не то с таким лицом тебе прямая дорога в поле пугать ворон. – И парень громко захохотал над собственной шуткой.

– Иди к чёрту! – огрызнулась Сьюзи и сама захлопнула дверь прямо перед его носом.

– Зря отказываешься от возможности почесать язык, – беззлобно протянул Верзила. – Уж куда приятней, чем сидеть в тишине и слушать крысиный писк и возню.

Сюзанна не ответила, она лихорадочно искала выход из ловушки, в которую угодила по злему умыслу проклятого Сороки. Сидеть и дожидаться, когда отправят ублажать случайных мужчин? Незавидная участь для обожаемой дочери Клариссы Соваж. Что же делать? Вот проклятье, будь Одноглазый Коро у власти, её сроду не посмели бы тронуть. Ох, да стоит ли тратить драгоценное время на ненужные размышления? Если о ней некому позаботиться, стало быть, надо сделать это самой. Сьюзи обхватила разломаченную голову руками и некоторое время покачивалась из стороны в сторону, готовая застонать от бессилия. Но внезапно она замерла и уставилась в пустоту расширившимися глазами. Мысль, что пришла ей в голову, была довольно дерзкой, но лучше рискнуть, чем после жалеть об упущенной возможности. Она решительно выпрямилась и, кое-как оправив смятую одежду, что успела изрядно пострадать в драке с Пьером, вскинула голову и легонько постучала по двери.

– Что, красотка, всё же поняла, какая тоска сидеть в одиночестве? – с усмешкой бросил Верзила, приоткрыв дверь.

– Ты оказался прав, бездельник, – кокетливо протянула девушка, покручивая локон пальцем. – Парень ты молодой, да ко всему, недурён собой. Охотно поболтаю с тобой о том о сём.

Жорж приосанился, и щёки его ещё больше порозовели. Хотя малютке здорово досталось, но дочь Паучихи и впрямь стоящая девица. Талия у девчонки такая тонкая, пожалуй, можно обхватить двумя руками. И грудь торчком, словно два крепких яблока, и кожа такая

нежная... А подбитый глаз... да это мелочи, в конце концов, в квартале отверженных это украшение носили чаще, чем кюре – распятие. И Верзила принялся нести всякий вздор, не в силах отвести взгляд от выреза платья Сюзанны, который она то и дело, поводя плечами, старательно стягивала всё ниже. Девушка тихонько посмеивалась над глупыми шутками всё больше расплавленного детины, откидывая голову назад, обнажая нежную шею – словом, вела себя ничуть не лучше завятой уличной девицы, которой надо завлечь гостя и получить денежки. Для девушки, которой едва минуло шестнадцать, такое поведение, несомненно, было постыдным, но Сьюзи хорошо усвоила уроки матери: для достижения цели все средства хороши. И если сейчас её свобода в руках неотёсанного мужлана, то она готова и вовсе выпрыгнуть из платья, лишь бы добиться своего. Девушка приблизилась к Верзиле почти вплотную и, медленно проведя пальцем по его груди, томно шепнула:

– Ты такой милый, Жорж...

Этого хватило, чтобы парень совсем потерял голову и грубым рывком прижал Сюзанну к себе, впившись поцелуем в её шею. Она едва не задохнулась от отвращения, но уняв дыхание, как можно мягче отстранилась и нежно протянула:

– Мне не повредил бы глоток вина, красавчик. Веришь ли, с утра маковой росинки во рту не было.

– Чёрт, – глухим сбивающимся голосом произнёс Верзила. – Ты права, кошечка, хоть мне не велено отлучаться, но ты такая аппетитная штучка, Сьюзи... Эх, пожалуй, рискну, только мне вновь придётся тебя запереть.

– Пожалуйста. – Равнодушно пожала плечами девушка. – Но будь добреньким, возвращайся скорее, иначе я успею остыть, – многообещающим тоном добавила она.

Стоило повернуться ключу в замке, как Сюзанна с отвращением сплюнула на пол и грубо провела углом шали по шее. Бр-р-р, вот пакость! И как это потаскухи не блюют на каждом углу после очередных объятий? Только бы этот недоумок поскорее вернулся. Вот дело, если сейчас заявится проклятущая Зизи или её братец, тогда она останется в дураках и продуманный наспех план пойдёт прахом. Но парня, видно, слишком вдохновила мысль заполучить недоτροгу Сюзанну, что одним своим присутствием вызывала желание. Он вернулся меньше чем через четверть часа, запыхавшись и стяхивая с непокрытых волос снежинки.

– Вот, сладкая, удалось раздобыть только сидр. Сама понимаешь, после вчерашней заварушки почти все кабаки закрылись – хозяева не хотят встречаться с гвардейцами. Ну да ладно, с такой красоткой и сидр слаще вина.

Сьюзи хмыкнула. Да уж сейчас она и впрямь хороша: губа почти оправилась, а вот заплывший глаз, кажется, закрывался всё больше – она встряхнула локонами, чтобы хоть как-то прикрыть опухшее лицо. Продолжая мяукающим голосом кокетничать и виться вокруг Жоржа, она отступала в глубь чулана, вынуждая парня следовать за ней. Но Верзиле наскучило долгое обхождение, и он, схватив девушку, повалился с ней на соломенный тюфяк.

– Ай... да подожди ты, вот медведь... Ты же ещё не угостил меня, а уже за своё... – пытаясь сдержаться от дикого желания вцепиться парню в лицо ногтями, выдохнула Сьюзи. Детина нехотя выпустил добычу, руки его подрагивали от возбуждения. Он зубами выдернул пробку и протянул бутылку.

– На, выпей, красотка. Сидр неплох, здорово разгоняет кровь, хотя рядом с тобой и без выпивки голова кругом, – ухмыльнулся Жорж, но внезапно отпрянул и нахмурился: – Вот дьявол! Как же я позабыл?! Проклятье, Зизи Крысоловка уверяла, что ты ещё невинна, чёрт, пожалуй, за ночь с тобой мне придётся заплатить жизнью. М-да... вот что скажу, кошечка. Хоть ты и соблазнительна сверх меры, но попасть под горячую руку хозяина мне не охота. Объятия самой завлекательной красотки не стоят перерезанного горла. Можешь оставить бутылку себе, а я лучше спокойно покараулю тебя снаружи, как велено.

Сюзанна едва не разревелась от отчаяния и, вовсе отбросив церемонии, положила руку на живот парня и, медленно опуская её вниз, проворковала:

– Вот дурачок, мало ли способов получить удовольствие, не нарушая запрета. Поверь на слово, красавчик. Уж кому, как не дочери сводни, знать все секреты по части наслаждений.

Соблазн для Жоржа был слишком велик, да и порочное любопытство испытать удовольствие безо всякой опаски взяло верх – он покорно опустился на тюфяк, блестящими от возбуждения глазами глядя на Сюзанну.

– Вот так, дорогой... так... – шептала она, продолжая поглаживать его по животу и, перебирая пальцами, потянула на себя пояс его обтрёпанных штанов. Жорж прикрыл глаза и громко вздохнул. Ах, маленькая потаскушка, должно быть, мать и впрямь обучила её всем премудростям по части угождения мужчинам. А Сюзанна, нащупав другой рукой бутылку с сидром, перехватила её половчее и со всей силы обрушила на голову незадачливого любовника. Осколки брызнули в разные стороны, мутный напиток с шипением заструился по лицу Жоржа, смешиваясь с кровью. Сюзи на несколько секунд замерла, глядя на обмякшего Верзилу, но, очнувшись, накинула шаль и опростелью бросилась прочь. Вот уж поистине Кларисса оказалась права: дочку и впрямь охраняли святые. Выбравшись из каморки, она оказалась в длинной галерее, такой узкой, что там и вдвоём не разминуться. Девушка никак не могла сообразить, где находится – место было ей вовсе незнакомым. Возможно, прежде здесь хранили улов – вонь от рыбьих потрохов смешивалась с запахом отсыревшей штукатурки, влажной земли, с примесью давно заброшенного помещения. В конце галереи смутно виднелась полоска света, и девушка, подхватив юбки, быстрым шагом направилась именно туда. Она так уверовала в счастливое избавление, что ни на секунду не сомневалась в нём. И когда у неё на пути неожиданно возникла низкорослая фигура горбуна, она лишь поджала губы и ринулась вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.